

На правах рукописи

Исаев

Исаков Александр Викторович

**Бурятский фольклор о присоединении к России:
устные традиции и литературные интерпретации**

Специальность 5.9.4. Фольклористика
(филологические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ
2025

Работа выполнена в отделе литературоведения и фольклористики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель

Дампилова Людмила Санжибоевна,
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

Официальные оппоненты

Имихелова Светлана Степановна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»
Абысова Сурлай Владимировна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник бюджетного научного учреждения Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики имени С. С. Суразакова»

Ведущая организация

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Защита диссертации состоится 22 мая 2025 г. в 14.00 ч. на заседании диссертационного совета 24.1.083.02 на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 670047, Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук и на сайте www.imbt.ru.

Автореферат розослан

«__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
к. филол. н.



Н. Н. Николаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Вхождение предков бурят в состав России является, безусловно, важнейшим событием национальной истории. Более того — как показывает объективный взгляд на процесс этногенеза бурят, присоединение к России стало ключевым фактором сложения бурятской нации в её современном виде¹. Не удивительно, что это событие на протяжении последних трёх веков постоянно осмысляется и переосмыляется в бурятской культуре. Различные его интерпретации безусловно признают значимость и судьбоносную роль присоединения к России в истории бурят, но в то же время полемизируют относительно деталей, сущности и последствий данного события.

В работе рассматривается историческая память о присоединении к России, воплощённая в текстах бурятского фольклора и их литературных интерпретациях. Важно, что в этом исследовании не ставится задача установить соотношение тех или иных текстов с реальными историческими фактами и оценить степень их достоверности. В фокусе внимания находятся в первую очередь закономерности формирования представлений о прошлом в фольклоре и их трансформации в литературном творчестве.

Объектом исследования выступают тексты бурятского фольклора и основанные на них литературные произведения.

Предмет исследования — выраженные в данных текстах исторические представления о присоединении бурятского народа к России.

Степень изученности вопроса. До сих пор не появилось ни одного монографического исследования, в котором бы рассматривался вопрос о том, как в бурятском фольклоре представлено присоединение к России. Однако этого вопроса всё же касались разные учёные, чьи интересы, как правило, были связаны с песенным и повествовательным фольклором бурят.

¹ Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX — первая треть XX веков). Иркутск, 2003. *Павлинская Л. Р.* Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб., 2008. Буряты в этнополитическом пространстве России: от империи до федерации. Улан-Удэ, 2017.

Впервые эта тема была затронута в работах исследователей XIX в. К. К. Стуков в статье «Взгляд на происхождение и переход в подданство России кочующих за Байкалом хоринско-агинских монголо-бурят с кратким очерком вторжения и распространения между ними ламайской пропаганды, составленный на основании рукописных легенд, рассказов стариков, песен и кой-каких официальных бумаг» (1859) описал, как в фольклоре и рукописной традиции хори-бурят представлена история вхождения их народа в состав России². Он первым обратил внимание на устойчивый цикл преданий и песен, посвящённых уходу хоринцев из подданства монгольских ханов, переселению их в Забайкалье и принятию российского подданства.

Спустя некоторое время к этому же фольклорному циклу обратился А. М. Позднеев в работе «Образцы народной литературы монгольских племён. Народные песни монголов»³.

В работах дореволюционных исследователей нашли отражение и фольклорные предания о присоединении к России других групп бурят. В статье К. К. Стукова «О происхождении северо-байкальских бурят вообще и тункинцев в особенности (по чисто народным легендарным преданиям)» (1881) приводятся предания тункинских и селенгинских бурят⁴. Примечательно, что они совершенно по-разному изображают принятие российского подданства бурятами: тункинские буряты рассказывали о приходе страшных русских покорителей, в то время как в традиции селенгинских бурят говорилось, что они сами решили уйти из Монголии в подданство могущественного и милостивого «Белого

² Стуков К. К. Взгляд на происхождение и переход в подданство России кочующих за Байкалом хоринско-агинских монголо-бурят с кратким очерком вторжения и распространения между ними ламайской пропаганды, составл. на основании рукописных легенд, рассказов стариков, песен и кой-каких официальных бумаг // Иркутские губернские ведомости. 1859. № 33. Отдел второй. Неофициальная часть. С. 1–7.

³ Позднеев А. М. Образцы народной литературы монгольских племён. Вып. 1. Народные песни монголов. СПб., 1880. С. 185–209.

⁴ Стуков К. К. О происхождении северо-байкальских бурят вообще и тункинцев в особенности (по чисто народным легендарным преданиям) // Памятная книжка Иркутской губернии 1881 г. Иркутск, 1881. Отдел II. С. 162–189.

царя». В историко-этнографическом очерке Я. С. Смолева о табангутах рассматривается предание о бегстве табангутов из Монголии, от неблагоприятного к ним хана, в страну русского царя, который принял их под своё покровительство⁵.

Для перечисленных работ характерно рассмотрение фольклорных текстов в первую очередь как исторического источника. Их авторы обычно не разграничивали историческую реальность и её фольклорные интерпретации. Это объясняется в том числе «многопрофильностью» дореволюционных исследователей, которые одновременно стремились решать исторические, этнографические и филологические задачи. Они не ставили вопрос о специфике исторической памяти в бурятском фольклоре, и их работы представляют для нас интерес в большей мере благодаря вошедшему в них фольклорному материалу.

Дальнейшее изучение бурятского фольклора о присоединении к России происходило уже в советский период и связано с деятельностью бурятских учёных-фольклористов. В первую очередь здесь необходимо отметить труды С. П. Балдаева. В 1940-е годы он пишет объёмную статью о бурятских исторических песнях, несколько вариантов которой сохранилось в его архиве⁶. Среди рассмотренных им песен выделяются песни, связанные с эпохой присоединения к России – это уже известные из дореволюционных публикаций песни хори-бурят, а также песни о после Савве Рагузинском, руководившем установлением границы, и песни, приписываемые участникам бурятских восстаний против казаков. Позднее С. П. Балдаев напишет ещё две статьи, прямо посвящённые отражению в бурятском песенном фольклоре памяти об эпохе присоединения к России: «Патриотизм и дружба в исторических песнях бурят XVII–XVIII вв.»⁷ и «Историко-

⁵ Смолев Я. С. Три табангутских рода селенгинских бурят : этногр. очерк. М., 1900. 58 с.

⁶ Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Личный архивный фонд (ЛАФ) 36. Д. 68. Л. 107–196. Д. 527.

⁷ ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ 36. Д. 530.

патриотические песни западных бурят» (1961)⁸. В первой статье, также неопубликованной, речь идёт о хоринских песнях, связанных с походом к Петру I и установлением границы, а во второй – о песнях бурятских воинов-пограничников, участвовавших в охране российской границы. Некоторые замечания о бурятских преданиях, посвящённых присоединению к России, С. П. Балдаев делает в своей неопубликованной работе «Мифы, легенды и предания бурят»⁹. Здесь он отмечает наличие в фольклоре разных трактовок бурятско-российских отношений: в одних преданиях русские казаки выступают противниками бурят, а в других (например, о Савве Рагузинском) представитель Российского государства является положительным персонажем.

Другой крупный исследователь бурятского исторического фольклора – М. И. Тулохонов. В его монографии «Бурятские исторические песни» (1973) выделена целая глава «Исторические песни бурят, связанные с присоединением к России»¹⁰. Эти песни подразделяются исследователем на «песни о переселениях» (имеется в виду переселение бурят из Монголии), «песни о дружбе народов» (здесь рассматриваются в первую очередь хоринские песни о походе к Петру I) и «песни об установлении границы». В другой своей работе – статье «Бурятские исторические предания» (1982) он, среди прочих, уделяет внимание преданиям о Бальжин-хатан и Савве Рагузинском¹¹.

Общая особенность работ советского времени заключается в их явной идеологизированности. Следуя установке подчёркивать «дружбу народов» в истории бурятско-российских отношений, исследователи приписывали фольклору современные политические смыслы, чтобы доказать, что в Бурятии издавна «происходило

⁸ Балдаев С. П. Историко-патриотические песни западных бурят // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Вып. 6. Улан-Удэ, 1961. С. 184–191.

⁹ ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ 36. Д. 337.

¹⁰ Тулохонов М. И. Бурятские исторические песни. Улан-Удэ, 1973.

¹¹ Тулохонов М. И. Бурятские исторические предания // Поэтика жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1982. С. 3–17.

сближение, росло взаимопонимание и сотрудничество народов»¹². В связи с этим от их внимания ускользала специфика народной памяти о прошлом – в частности, не отмечали они противоречивость в изображении бурятско-российских отношений, нашедшую отражение ещё в публикациях дореволюционного времени («конфликтные» сюжеты об отношениях бурят и русских рассматриваются только в неопубликованных работах С. П. Балдаева). Также исследователи советского периода зачастую не брали во внимание место записи и субэтническую принадлежность исследуемых текстов, представляя весь собранный материал как часть одной общей традиции. Такой подход объясняется изучением бурятского фольклора как общенационального явления, однако он не позволяет обнаружить различия и специфические особенности отдельных локальных и субэтнических традиций – а «фольклорная традиционная культура в своём конкретном наполнении всегда региональна и локальна»¹³.

В исследованиях постсоветского периода наметилась тенденция к преодолению одностороннего взгляда на бурятский фольклор о присоединении к России. Б. Б. Бадмаев и Л. Ц. Малзунова отмечают наличие в нём разных сюжетов – как о позитивном взаимодействии с русскими и Российским государством, так и о конфликтах с ними¹⁴.

Также в последние десятилетия продолжалось углублённое изучение исторического фольклора хори-бурят и, в частности, отражения в нём исторических событий эпохи присоединения к России. В работах Б. Б. Бадмаева, Л. Ц. Малзуновой, В. Ш. Гунгарова и Б.-Х. Б. Цыбиковой подробно рассматриваются предания и песни о Бальжин-хатан, Бабжи-Барас-баторе, походе к Петру I и установлении границы¹⁵.

¹² Тулохонов М. И. Бурятские исторические песни. С. 79.

¹³ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. С. 144.

¹⁴ Бадмаев Б. Б. Түүхэ домогуудай геройнууд хөөрэнэн буярад зохоолнуудта. Улаан-Удэ, 2000. С. 168–181. Малзунова Л. Ц. Жанровая специфика, типология бурятских легенд и преданий. Улан-Удэ, 2012. С. 67–75.

¹⁵ Бадмаев Б. Б. Указ. соч. С. 89–109, 168–181. Малзунова Л. Ц. Указ. соч. С. 69–70, 76–77, 88–90. Гунгаров В. Ш. Современное бытование бурятских легенд и преданий (по

Кроме работ фольклористов, следует отметить исследования учёных-историков, затрагивающие народные представления бурят об их отношениях с Российским государством. Это в первую очередь монография В. В. Трепавлова «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв.» (2007), в которой на материале устных и письменных традиций разных народов России, в том числе и бурят, выявляются общие закономерности формирования представлений о Российском государстве и взаимоотношениях с ним у нерусских народов¹⁶. Определённый вклад в разработку проблемы внесла также статья Т. Д. Скрынниковой «Пограничные идентичности: буряты между Монголией и Россией» (2003), в которой показано многообразие и динамичность представлений бурят о Российском государстве и истории своего вхождения в его состав в том числе на материале фольклора¹⁷.

Можно заключить, что к настоящему времени разработка вопроса о специфике исторической памяти о присоединении к России в бурятском фольклоре в основном ограничилась общими наблюдениями и анализом некоторых отдельных субэтнических традиций, в первую очередь – хори-бурятской. Представленные в предшествующих работах материалы и выводы позволяют наметить перспективу дальнейшего комплексного исследования данной проблемы, которая видится в первую очередь в сравнительном изучении локальных и субэтнических традиций исторической памяти на фоне общих тенденций и закономерностей.

Рецепция фольклора о присоединении к России в бурятской литературе также не становилась предметом целостного

материалам полевых исследований в Бурятии и Монголии в 70–90-х годах). Улан-Удэ, 1993. Цыбикова Б.-Х. Б. Исторические легенды и предания бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10-1. С. 221–224. Она же. Повествовательный фольклор бурят Внутренней Монголии Китая: традиция и эволюция (нач. XX в. – первая четверть XXI в.). Улан-Удэ, 2025. С. 248–264. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских Бурятии. Иркутск, 2020. С. 21–31.

¹⁶ Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.

¹⁷ Скрынникова Т. Д. Пограничные идентичности: буряты между Монголией и Россией // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 395–421.

исследования. Учёные затрагивали лишь отдельные аспекты использования и интерпретации исторического фольклора в произведениях бурятских писателей. Место фольклорных преданий в бурятских исторических хрониках рассмотрено в работах Н. Н. Поппе, Ц. Б. Цыдендамбаева, А. Б. Соктоева, Б. Д. Баяртуева, Л. Б. Бадмаевой и А. Д. Жамсоева¹⁸. С. С. Имихелова в статье «Судьба бурятского народа в исторических легендах и художественной литературе» (2015) обратила внимание на значимую роль исторических преданий в художественном осмыслении национальной истории на примере произведений о героях хори-бурятского фольклора Бальжин-хатан и Шилдэй-занги¹⁹. В работе И. В. Булгутовой «Мифопоэтика в контексте становления и развития бурятской литературы второй половины XX – начала XXI веков» (2019) выявлена мифопоэтическая составляющая литературных произведений об этих легендарных героях²⁰.

В ряде работ рассматриваются фольклорные истоки отдельных произведений бурятских авторов об эпохе присоединения к России. Так, С. С. Цыренова посвятила статью образу Бабжи-Барас-батара в романе В. Гармаева «Десятый рабджун»²¹. Л. Ц. Малзунова изучила специфику интерпретации фольклорного предания о походе к Петру I в пьесе Б. Барадина «Великая сестрица-

¹⁸ Поппе Н. Н. Проблемы бурят-монгольского литературоведения // Записки Института востоковедения Академии наук СССР. Вып. III. Л., 1935. С. 13–37. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные: историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, 1972. Соктоев А. Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода. Улан-Удэ, 1976. Баяртуев Б. Д. Фольклорные истоки литературы бурят-монголов. Улан-Удэ, 2001. Бадмаева Л. Б., Жамсоев А. Д. Интертекстуальные включения в бурятских летописных текстах // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 3. С. 112–118.

¹⁹ Имихелова С. С. Судьба бурятского народа в исторических легендах и художественной литературе // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4 (13). С. 93–96.

²⁰ Булгутова И. В. Мифопоэтика в контексте становления и развития бурятской литературы второй половины XX – начала XXI веков. Улан-Удэ, 2019.

²¹ Цыренова С. С. Образ Бабжи Барас-батара в романе-дилогии В. Гармаева «Десятый рабджун» // Найдаковские чтения-3. Бурятия и тюрко-монгольский мир в литературном и фольклорно-мифологическом контексте. Улан-Удэ, 2010. С. 196–199.

шаманка»²². В статье М. Д. Данчиновой рассматривается интерпретация того же сюжета в романе Б. Санжина и Б. Дандарона «Путь праведный»²³.

Таким образом, влияние фольклорных традиций на изображение исторических событий, связанных с присоединением к России, в бурятской литературе изучено только на материале некоторых отдельных сюжетов и произведений. Вопрос о том, как представлены в литературе разные сюжеты и субэтнические традиции исторического фольклора и в чём состоит специфика восприятия фольклорной исторической памяти на каждом этапе развития бурятской литературы, остаётся открытым для дальнейшего изучения.

Актуальность исследования обусловлена:

- отсутствием работ, посвящённых изучению исторической памяти о присоединении к России в фольклоре и литературе бурят в сравнительном и диахроническом аспектах с применением современных филологических и междисциплинарных теорий, концепций, подходов и методов;
- наличием большого объёма прежде не введённых в научный оборот в контексте данной темы фольклорных и литературных текстов, раскрывающих различные аспекты исторической памяти бурят о вхождении их народа в состав России и требующих комплексного сравнительного изучения;
- значимостью данной проблемы в контексте изучения фундаментальных вопросов этногенеза и идентичности бурят, истории бурятского фольклора и литературы.

Научная новизна. В настоящей работе впервые:

- бурятский фольклор и его литературные интерпретации исследуются с применением современных концепций и методов изучения исторической памяти;

²² Малзурова Л. Ц. Указ. соч. С. 195–201.

²³ Данчинова М. Д. Жанр предания в рамках художественного текста (на основе романа Б. Санжина «Путь праведный») // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10-3. С. 13–17.

- проводится сравнительное исследование исторической памяти о присоединении к России в разных локальных и субэтнических традициях бурятского фольклора на обширном материале опубликованных и неопубликованных текстов, зафиксированных по всей территории этнической Бурятии;
- выявляются основные дискурсы исторической памяти о присоединении к России в бурятском фольклоре, определяются их типологические черты, этнокультурный контекст и локализация;
- осуществляется сравнительное диахроническое исследование литературных интерпретаций бурятского фольклора о присоединении к России на материале литературных произведений разных родов и жанров, созданных на протяжении всей истории бурятской литературы от XVIII века до современности в различных историко-культурных и политических контекстах.

Цель исследования – определить специфику формирования и трансформаций исторической памяти о присоединении к России в бурятском фольклоре и его литературных интерпретациях.

Задачи исследования:

1. Выявить локальную и субэтническую специфику формирования исторической памяти о присоединении к России в фольклоре бурят.
2. Определить место и специфику хори-бурятского фольклорного исторического нарратива среди других субэтнических традиций исторической памяти о присоединении к России.
3. Установить закономерности репрезентации фольклорных нарративов о присоединении к России в текстах бурятских исторических хроник XVIII – начала XX вв.
4. Выявить особенности интерпретации фольклора о присоединении к России в бурятской литературе XX–XXI вв.

Материалом первой части исследования послужили тексты бурятского фольклора, зафиксированные в период с XIX по начало XXI вв. Для достижения наибольшего охвата зафиксированных текстов использовались различные источники фольклорного материала: сборники фольклорных текстов на языке оригинала и в

русском переводе; научные работы, содержащие пересказы фольклорных текстов; краеведческие издания и материалы, включающие информацию о локальных фольклорных традициях; неопубликованные записи фольклора и рукописи научных трудов из архивных фондов Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН.

Материалом второй части исследования выступают опубликованные литературные произведения, созданные бурятскими авторами в период XVIII–XXI вв. на старописьменном монгольском, бурятском и русском языках.

Теоретико-методологическая база. Теоретической основой исследования служит теория исторической памяти, разработанная в трудах ряда учёных-гуманитариев, в частности – М. Хальбвакса, Я. Ассмана, А. Ассман, П. Коннертона²⁴. Ключевая идея исследований исторической памяти заключается в том, что представления людей о прошлом определяются культурной средой. Историческая память отделяется от собственно истории: если история – это объективный аспект прошлого, то историческая память – те представления о прошлом, которые существуют в культуре. Эти представления не обязательно соответствуют историческим фактам и зависят от актуального контекста: образы прошлого в культуре так или иначе связаны с современной реальностью и существуют постольку, поскольку они значимы для людей настоящего. Поэтому историческая память в данной работе понимается «не как отражение в сознании носителей культуры исторических фактов, но как динамический процесс конструирования смыслов, придаваемых ныне существующим реалиям»²⁵. В рамках данного исследования рассматривается именно то, как в бурятском фольклоре и

²⁴ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. Он же. Социальные рамки памяти. М., 2007. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. Connerton P. How Societies Remember. Cambridge, 1996. Он же. Seven types of forgetting // Memory Studies. 2008. № 1. Pp. 59–71.

²⁵ Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб., 2012. С. 52.

литературе через апелляцию к истории осмыслиется факт нахождения бурят в составе Российского государства.

Методологической основой исследования выступает дискурс-анализ, который вслед за М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс понимается как комплексный подход к анализу текстов, направленный на выявление специфических способов вербальной репрезентации реальности, наделяющих её определёнными значениями и отношениями²⁶. В данном исследовании под дискурсами исторической памяти подразумеваются способы представления определённых событий и процессов исторического прошлого. В работе нашли отражение идеи таких теоретиков дискурса, как М. Фуко, Э. Лаклау и Ш. Муфф, Н. Фэркло, А. ван Д. Тён²⁷. Вслед за ними дискурсы здесь рассматриваются как динамичные системы значений, которые могут создавать различные точки зрения на одни и те же исторические события, конкурировать за определение их смысла, исторически эволюционировать и взаимодействовать друг с другом, заимствовать элементы из других дискурсов, связанных с иными сферами общественного сознания.

Среди других междисциплинарных концепций и подходов в этой работе нашли отражение идеи имагологии – учения о культурном конструировании образов инационального²⁸. Элементы имагологического анализа применяются при рассмотрении образов русских и Российского государства в текстах бурятского фольклора и литературы.

При анализе фольклорных текстов, выражающих представления об историческом прошлом, исследование в определённой мере опирается на понятийный язык и концепции, выработанные отечественной фольклористикой – в частности, в трудах В. Я.

²⁶ Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.

²⁷ Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London; New York, 2001. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge, 2006. Тён А. ван Д. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.

²⁸ Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров, 2013. Imagology. The cultural construction and literary representation of national characters: A critical survey. Amsterdam – New York, 2007.

Проппа, Б. Н. Путилова, В. К. Соколовой, С. Ю. Неклюдова²⁹. Также для рассмотрения устной традиции в аспекте исторической памяти привлекаются теоретические работы бельгийского антрополога Я. Вансины³⁰.

В последние годы появился ряд работ российских исследователей, посвящённых рассмотрению процессов формирования и трансляции коллективной памяти в фольклорной традиции. Это труды С. А. Штыркова, А. В. Панюкова, Ю. В. Лиморенко, Е. Л. Тихоновой, С. В. Белянина и Е. А. Закревской³¹. Их идеи также нашли отражение в данной работе.

Основным методом исследования фольклорного материала в первой части настоящей работы является сравнительно-типологический: с его помощью сопоставляются локальные традиции и выводится типология дискурсов исторической памяти о присоединении к России в бурятском фольклоре. Для выявления общих закономерностей сложения фольклорных текстов о присоединении к России на уровне сюжетов и мотивов привлекается структурно-семиотический метод. При определении локальной и субэтнической специфики исторической памяти в бурятском фольклоре используется метод регионального сравнения.

Во второй части исследования при рассмотрении связи литературных произведений о присоединении Бурятии к России с фольклорными традициями используется теория фольклоризма

²⁹ *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976. *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М., Л., 1960. *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М., 1970. *Неклюдов С. Ю.* Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60. Сборник к 60-летию А. К. Байбурина (Studia Ethnologica. Труды факультета Этнологии. Вып. 4). СПб., 2007. С. 77–86.

³⁰ *Vansina J.* Oral Tradition: A Study in Historical Methodology. London, 1969. *Он же.* Oral Tradition as History. Madison, 1985.

³¹ *Штырков С. А.* Указ. соч. *Панюков А. В.* Историзм фольклора vs фольклоризм истории: сюжет об убийстве князя Василия Вымского // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2013. № 3 (15). С. 103–109. *Лиморенко Ю. В.* Фольклорный сюжет и его исторические основы: сохранение представлений об исторической личности в народной памяти // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 1 (32). С. 67–74. *Тихонова Е. Л.* Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона. Улан-Удэ, 2018. *Белянин С. В., Закревская Е. А.* Как история становится фольклором: механизмы фольклоризации историй о войне и холокосте // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 3. С. 61–87.

литературы, разработанная в трудах Д. Н. Медриша, У. Б. Далгат, А. И. Лазарева, Р. М. Ковалёвой³². Также применяются концепции интертекстуальности, представленные в работах М. М. Бахтина, Р. Барта, Ж. Женетта, Н. А. Фатеевой, Н. Пьеге-Гро, Р. Лахманна³³. В перспективе интертекстуальности рассматриваются не только связи литературных произведений с фольклорными текстами, но и связи различных литературных интерпретаций одного фольклорного сюжета или образа между собой, проявляющиеся в преемственности или же, наоборот, в различиях с предшествующими интерпретациями. Как показал С. Ю. Неклюдов в своей работе «Литература как традиция» (2016), литературные интерпретации прошлого могут образовывать традицию, существующую рядом с фольклорной, пересекающуюся с ней и развивающую те же исходные модели, что и фольклор³⁴. В диссертации предпринята попытка представить историю темы присоединения к России в бурятской литературе как определённую традицию, развивающуюся в постоянном взаимодействии с фольклором, но также и под влиянием предшествующих литературных текстов.

Помимо соотнесения литературных интерпретаций бурятского фольклора о присоединении к России с фольклорными первоисточниками и предшествующими литературными произведениями, обнаруживаются их связи с иными текстами,

³² Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики. Саратов, 1980. Далгат У. Б. Литература и фольклор: Теоретические аспекты. М., 1981. Лазарев А. И. Типология литературного фольклоризма (на материале истории русской литературы). Челябинск, 1991. Ковалёва Р. М. Типология литературного фольклоризма в свете эстофольклористики // VIII Лазаревские чтения: Лики традиционной культуры в современном культурном пространстве: ренессанс базовых ценностей?. Ч. 1. Челябинск, 2018. С. 97–101.

³³ Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М., 2012. Барт Р. S/Z. М., 2001. Genette G. Palimpsests. Literature in the Second Degree. Lincoln; London, 1997. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М., 2007. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008. Лахманн Р. Память и литература. Интертекстуальность в русской литературе XIX–XX веков. СПб., 2011.

³⁴ Неклюдов С. Ю. Литература как традиция. Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты. М., 2016.

включёнными в процесс производства исторической памяти. Следуя концепции «нового историзма»³⁵, исследование стремится разомкнуть рамки литературного дискурса и увидеть исследуемые произведения в более широком историко-культурном контексте на фоне других текстов той же эпохи. Чтобы выявить влияние общих тенденций исторической памяти на литературные интерпретации фольклора, они сопоставляются с работами учёных-историков и публицистическими текстами исторической тематики.

В числе других контекстуальных факторов на восприятие фольклорных образов и сюжетов значительное влияние оказывает политика памяти, под которой подразумевается «деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования»³⁶. Рассматривая использование фольклора в контексте политики памяти, исследование опирается на теоретическую работу П. Антонена, который показал, что фольклор служит значимым ресурсом политики памяти в процессе конструирования представлений о национальном прошлом³⁷.

Среди конкретных методов исследования во второй части работы основными являются историко-генетический и культурно-исторический, предполагающие рассмотрение литературных произведений в связи с их истоками и контекстом создания. Также применяется сравнительно-исторический метод, который привлекается для сопоставления литературной рецепции разных субэтнических фольклорных традиций.

Теоретическая значимость исследования заключается в создании типологии дискурсов исторической памяти о присоединении к России в бурятском фольклоре, а также в

³⁵ The New Historicism. London, 1989.

³⁶ Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 291.

³⁷ Anttonen P. J. Tradition through Modernity. Postmodernism and the Nation-State in Folklore Scholarship. Helsinki, 2005.

разработке моделей рецепции фольклорной исторической памяти в национальной литературе разных периодов.

Практическое применение результатов исследования возможно в процессе преподавания бурятского фольклора, литературы и смежных дисциплин, при разработке учебных пособий по соответствующей тематике.

Положения, выносимые на защиту:

1. В бурятском фольклоре не обнаруживается общей традиции памяти о принятии российского подданства. Фольклор разных локальных и субэтнических групп по-своему изображает это событие, наделяя его различными значениями и коннотациями. В то же время можно выделить два основных дискурса, в рамках которых происходило сложение исторической памяти о вхождении бурят в состав России. Один из них специфичен для бурят предбайкальского происхождения, другой – для тех групп бурят, которые переходили в российское подданство из-под власти монгольских ханств.
2. Для фольклора предбайкальских бурят типичны нарративы о приходе русских чужеземцев, подчинивших бурятский народ своей власти. В основе исторической памяти об установлении отношений с русскими и Российским государством здесь лежит оппозиция «свой/чужой».
3. Фольклор бурят – переселенцев из монгольских ханств представляет принятие российского подданства как добровольный переход из государств монгольских ханов под власть «Белого царя». В основе переселенческого дискурса лежит идея о фундаментальной роли верховного правителя в организации жизни народа, в соответствии с которой отношения с Российским государством рассматриваются в первую очередь как отношения с «Белым царём» – могущественным покровителем и благоподателем, в государстве которого буряты обрели спокойную и счастливую жизнь.
4. Ставший широко известным в национальной культуре хори-бурятский фольклорный цикл о событиях и героях эпохи их переселения из Монголии и прихода в российское подданство

представляет собой исторический нарратив, основанный на типичных для переселенческого дискурса мотивах.

5. Фольклорные традиции значительно повлияли на изображение истории бурятского народа в эпоху присоединения к России в национальной литературе, при этом разные субэтнические традиции исторической памяти представлены в бурятской литературе неравномерно: в литературных текстах доминируют традиции, принадлежащие к дискурсу бурят – переселенцев из монгольских ханств, что объясняется их обосновывающим значением для российской идентичности бурят; кроме того, начиная с XX века на первый план выдвинулся хори-бурятский исторический нарратив, к середине прошлого века утвердившийся в качестве общенациональной традиции.
6. В бурятских исторических хрониках XVIII – начала XX вв. конструировался верноподданнический нарратив, подчёркивавший изначальную преданность бурят Российскому государству и благоприятное отношение российских правителей к бурятам. В связи с этим предания бурят-переселенцев о приходе в подданство «Белого царя» в поисках защиты и покровительства, как созвучные официальному нарративу, стали традиционной частью всех хоринских и селенгинских хроник. В то же время предания бурят предбайкальского происхождения почти не нашли отражения в летописной традиции.
7. В начале XX века в творчестве писателей – деятелей бурятского национального движения фольклорная историческая память стала в первую очередь инструментом для конструирования общенационального нарратива. Наиболее ярким примером интерпретации фольклора о присоединении к России в контексте идей национального движения стала пьеса Б. Барадина «Великая сестрица-шаманка», в которой сюжет о походе хори-бурят к Петру I превратился в национальный миф, утверждающий необходимость национального единения, отстаивания своих политических прав и связь исторической судьбы бурят с Российским государством, в составе которого буряты смогли обрести национальную автономию.

8. Бурятская литература советского периода развивалась под влиянием государственной идеологии, одним из важных аспектов которой стала идея «дружбы народов», понимаемой как добровольное объединение всех народов СССР с русским народом в составе общего государства. В соответствии с государственным нарративом хори-бурятские исторические предания о переходе в российское подданство стали интерпретироваться как сюжеты о зарождении дружбы между бурятами и русскими и об их совместной борьбе за будущее своего государства.
9. В современной бурятской литературе нельзя выделить одну господствующую тенденцию интерпретации присоединения Бурятии к России, но можно отметить наиболее влиятельные дискурсы. Первый из них – дискурс, связанный с идеями евразийства, трактующий вхождение бурятского народа в состав России как результат взаимодействия двух равноправных народов, обладающих давними историческими связями. Второй распространённый дискурс, в рамках которого интерпретируются фольклорные предания о приходе бурят в российское подданство – дискурс о народе-страдальце, на протяжении своей истории проходящем через испытания и постоянно сталкиваемом с давлением внешних обстоятельств, одним из которых выступает установление российской власти над бурятами.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, перечня используемых сокращений, списков архивных материалов, источников и литературы и двух приложений.

Апробация работы. Основные положения работы представлены в 19 научных публикациях. Среди них 5 статей в журналах, рекомендованных ВАК, 13 публикаций в иных научных изданиях и 1 учебное пособие. Также результаты диссертационного исследования были представлены в докладах на научных конференциях международного, всероссийского и регионального уровней в гг. Москва, Санкт-Петербург, Саранск, Горно-Алтайск, Абакан, Кызыл, Якутск, Улан-Удэ и на заседании Учёного совета ИМБТ СО РАН.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обозначается предмет и объект исследования, приводится история изучения вопроса, обосновывается актуальность и новизна работы, ставятся цель и задачи, описывается теоретико-методологическая база, теоретическая и практическая значимость исследования.

Глава 1 «Тема присоединения к России в бурятском фольклоре: дискурсы исторической памяти» посвящена специфике формирования памяти о принятии российского подданства в фольклоре разных групп бурят.

В **параграфе 1.1 «Локальные и субэтнические традиции бурятского фольклора о присоединении к России: проблема типологии»** устанавливается, что в фольклоре бурят тема принятия российского подданства разрабатывается в рамках локальных и субэтнических традиций, ни одна из которых не является общеперенятской. Среди разных групп бурят бытовали разные представления о том, как они стали частью Российского государства. В то же время можно выделить два основных дискурса, на основе которых строится историческая память о присоединении к России в бурятском фольклоре. Первый специфичен для субэтнических групп предбайкальского происхождения (эхиритов, булагатов и др.), второй – для переселенцев из монгольских ханств (в первую очередь – хоринских и селенгинских бурят). В рамках первого дискурса присоединение Бурятии к России рассматривается как подчинение бурят русским пришельцам, а во втором – как добровольный переход бурят под власть «Белого царя» из подданства монгольских ханов.

В **параграфе 1.2 «Тема установления отношений с Российским государством в фольклоре бурят предбайкальского происхождения»** рассматривается специфика исторической памяти в фольклорных традициях, сформировавшихся в рамках предбайкальского дискурса. В дискурсе бурят предбайкальского происхождения принятие российского подданства рассматривается как подчинение бурят русскими пришельцами. Русские и Российское государство в их фольклоре противопоставляются

бурятам на основе оппозиции «свой/чужой». В связи с этим их нарративы о принятии российского подданства представляют установление отношений с Российским государством как переход от антагонизма к вынужденному признанию российской власти. Прослеживается связь фольклора предбайкальских бурят о присоединении к России с рядом традиционных дискурсов бурятского фольклора, на основе которых формируются различные аспекты образа русских и Российского государства и представления о взаимодействии с ними. Это дискурс об отношениях с враждебными соседями, влияние которого проявляется в уподоблении русских соседним народам, с которыми враждовали буряты; героический дискурс эпоса и богатырских преданий, на основе которого разрабатываются нарративы о боевых столкновениях с русскими; дискурс об отношениях со сверхъестественным потусторонним миром, из которого в дискурс бурятско-российских отношений переносятся представления о чудесных способностях русских пришельцев, будто прибывших из иного мира, и об особой силе Российского государства, взаимодействие с которым приобретает ритуально-магические коннотации, уподобляясь общению шаманов с силами потустороннего мира.

В параграфе 1.3 «Представления о принятии российского подданства в фольклоре бурят – переселенцев из монгольских ханств» раскрывается своеобразие фольклорной исторической памяти, сформировавшейся в рамках переселенческого дискурса. Дискурс бурят – переселенцев из монгольских ханств представляет принятие российского подданства как выбор, сделанный бурятами между их прежними правителями и «Белым царём» в пользу последнего. В рамках этого дискурса складываются нарративы об уходе бурят из государств монгольских ханов по причине конфликта с ними, притеснений либо начавшихся войн, в результате которых разрушился прежний политический порядок; об их переселении и закреплении на современных территориях; о добровольном принятии российского подданства (нередко – о делегациях, направленных с этой целью к русскому царю или местным представителям российской власти); об участии в

установлении и охране российско-монгольской границы. Для этого дискурса характерно противопоставление бурят народам, оставшимся жить на территориях бывших монгольских ханств, наделение их негативными чертами и подчёркивание роли российской границы в установлении порядка в землях бурят. Особым значением наделяется фигура верховного правителя, который мыслится гарантом порядка, покровителем и благоподателем. Русский «Белый царь» превозносится над монгольскими ханами, наделяется лучшими качествами правителя, иногда также говорится о его происхождении от Чингисхана, что дополнительно легитимирует его власть в контексте традиционной политической культуры монгольских народов. Однако в рамках переселенческого дискурса может происходить не только обоснование российского подданства бурят, но и его оспаривание, поскольку однажды случившаяся перемена подданства предполагает возможность сменить его и в будущем: это проявляется в пророчествах о будущем возвращении бурят в Монголию, которые актуализируются в определённых историко-культурных контекстах.

Параграф 1.4 «Хори-бурятский исторический нарратив» посвящён рассмотрению отдельной субэтнической традиции – хори-бурятской, которая приобрела особую известность и значимость в современной национальной культуре. Широко известный фольклорный исторический нарратив хори-бурят, описывающий судьбу этой этнической группы в период кризиса монгольских государств и присоединения Бурятии к России, тоже может быть рассмотрен в контексте дискурса бурят-переселенцев. Четыре основных исторических сюжета, составивших этот нарратив – о Бальжин-хатан и переселении в Забайкалье, о Бабжи-Барас-баторе и конфликтах с соседними народами, о походе к Петру I и об установлении границы – основаны на характерных для переселенческого дискурса мотивах ухода из монгольских ханств, противостояния с оставшимися там народами, делегации к российскому правителю и участия в установлении границы. Поэтому хори-бурятский исторический нарратив можно назвать субэтническим вариантом реализации дискурса бурят –

переселенцев из монгольских ханств. Вместе с тем следует отметить его связь не только с темой перехода в российское подданство, но и с более широким контекстом хори-бурятской коллективной памяти и самосознания, особую роль этих преданий в формировании идентичности хори-бурят.

В главе 2 «Интерпретация фольклора о присоединении к России в бурятской литературе» речь идёт о рецепции фольклорной исторической памяти в национальной литературе разных эпох.

В параграфе 2.1 «Фольклорные нарративы о присоединении к России в бурятских исторических хрониках» рассматривается специфика отражения фольклорных преданий о принятии российского подданства в историко-хроникальных сочинениях XVIII – начала XX вв. В бурятских исторических хрониках, создававшихся в основном при степных думах, включение фольклорных нарративов обуславливалось их близостью официальной риторике. Присоединение к России было принято трактовать как добровольный переход бурят в подданство русского царя – справедливого и милостивого, принявшего бурят под своё высокое покровительство. Этой позиции были созвучны устные нарративы бурят – переселенцев из монгольских ханств. Поэтому в хоринских и селенгинских хрониках одним из устойчивых элементов исторического нарратива стали предания о переселении из Монголии, заимствованные из устной традиции и использовавшиеся для обоснования российского подданства бурят. В то же время устные нарративы об отношениях с Российским государством бурят предбайкальского происхождения не включались в летописные повествования, и при изложении истории шести селенгинских родов, пришедших из Предбайкалья, и баргузинских бурят момент принятия ими российского подданства либо опускался, либо излагался в общих словах, без обращения к устным преданиям. Лишь в поздней баргузинской хронике 1917 г. встречается эхиритское предание о приходе русских, но даже там оно подверглось трансформации ради приспособления к официальному нарративу.

Параграф 2.2 «Фольклорные традиции и конструирование национального исторического нарратива в бурятской литературе начала XX века» посвящён проблеме интерпретации фольклора о присоединении к России в литературе эпохи национального движения. В это время историческая память в бурятской литературе стала инструментом политической мобилизации и продвижения национальной идеологии, призванной объединить бурят и обосновать создание их национальной государственности. Интерпретация прошлого в произведениях этих лет тесно связана с текущими политическими событиями. В пьесе Б. Барадина «Великая сестрица-шаманка» хоринское предание о походе к Петру I интерпретируется на фоне борьбы за создание бурятской автономии в составе России. Делегация хори-бурят в Москву показана как пример борьбы бурятского народа за свои политические права. Сюжет о милости Петра I, удовлетворившего просьбу бурят о защите от самоуправства местных начальников, в актуальном контексте стал символическим отражением последних событий – поездке бурятских национальных лидеров к Ленину и принятии им решения о создании бурятской автономии.

В параграфе 2.3 «Использование фольклора о присоединении к России в бурятской литературе советского периода» анализируются интерпретации фольклорных сюжетов и образов, созданные бурятскими писателями в идеологическом контексте советской эпохи. В литературе советского периода фольклорные сюжеты об эпохе присоединения к России интерпретировались в рамках дискурса государственного патриотизма и дружбы народов. К фольклорным преданиям обращались, чтобы обосновать историческое единство бурят с русским народом и Российским государством, доказать прогрессивное влияние России на бурятский народ. Хоринский исторический нарратив в этом контексте был интерпретирован как история о зарождении дружбы между бурятами и русскими, об их совместном участии в укреплении и защите своего государства. Поступкам фольклорных персонажей приписывались политические коннотации, обусловленные советским идеологическим дискурсом: Бабжи-Барас-батор изображался как защитник Российского

государства от внешних врагов, Бадан Туракин – как борец за объединение бурят с прогрессивным русским народом, Шилдэй-занги – как патриот России, героически принявший смерть за свои идейные убеждения. Вместе с тем к концу советского периода появляется тенденция к деполитизации фольклорных образов и сюжетов, их перемещению из контекста государственной идеологии в контекст этнической истории. Эта тенденция ярко проявилась в пьесе Д. Эрдынеева «Бальжин-хатан», где сюжет об уходе хоринцев из монгольских ханств трактуется как важное событие в истории данной этнической общности, способствовавшее сохранению хори-бурят как народа, а будущее принятие ими российского подданства лишь кратко упоминается в конце пьесы.

В параграфе 2.4 «Сюжеты и герои фольклора об эпохе присоединения к России в современной бурятской литературе» рассматриваются произведения постсоветского периода, посвящённые эпохе присоединения Бурятии к России и предлагающие новые интерпретации фольклорных сюжетов и образов. В современной бурятской литературе прослеживается влияние различных дискурсов на историческую память о присоединении Бурятии к России. В продолжение позднесоветской тенденции принятие российского подданства рассматривается с позиций национальной и субэтнической истории, с точки зрения его значимости для национальных интересов бурят. Наиболее заметная тенденция в интерпретации фольклора о присоединении к России заключается в подчёркивании активной политической роли бурят в этом процессе, уравнивании их с российской стороной по значимости. Здесь проявляется в том числе влияние евразийской идеи, согласно которой вхождение бурят в состав России трактуется как объединение двух народов, предопределённое историческими связями России с кочевниками «Великой Степи». Герои фольклорных нарративов о переходе в российское подданство – хоринские Бабжи-Барас-батор и Бадан Туракин, сартульский Хулэгэ – изображаются как талантливые политики и дипломаты, отстаивающие интересы своего народа. Взаимодействие с Российским государством, в отличие от фольклорных и летописных

нарративов о переселении из Монголии, в современной литературе чаще показывается как переход от конфликтов к союзу благодаря дипломатическим усилиям бурятских лидеров. Есть и другая тенденция – рассматривать историю бурят как историю народа-страдальца, постоянно сталкивающегося с тяжёлыми испытаниями. Фольклорные предания о принятии российского подданства в таком контексте включаются в нарратив о тяжёлой судьбе бурятского народа, всё время оказывающегося под гнётом внешних обстоятельств, к которым причисляется и присоединение к России.

В **заключении** подводятся итоги исследования. Делается вывод, что историческая память о присоединении к России в фольклоре и литературе бурят изначально формировалась в рамках отдельных локальных и субэтнических традиций, позднее в разной мере вошедших в национальную литературу и подвергшихся переосмыслению в различных контекстах.

Отмечается, что локализация двух основных дискурсов бурятского фольклора о присоединении к России в определённой мере соотносится со спецификой локальной дифференциации исторической памяти в фольклоре народов сибирско-дальневосточного региона в целом. У народов Северной Сибири и Дальнего Востока, как и у предбайкальских бурят, чаще фиксируются тексты о взаимодействии с русскими как с пришельцами-чужаками, в то время как для тюркских народов Южной Сибири, как и для бурят-переселенцев, специфичны нарративы о переходе из подданства прежних правителей под власть российского государства, равно как и о родстве русских царей с их прежними правителями. Обнаруживаются типологические и контактные связи текстов бурятского фольклора с традициями других народов Сибири, что говорит об их включённости в более широкие региональные контексты.

Относительно рецепции фольклорной исторической памяти о присоединении к России в бурятской литературе подчёркивается, что разные субэтнические традиции представлены в ней неравномерно. Во-первых, в литературных текстах доминируют традиции, принадлежащие к дискурсу бурят – переселенцев из монгольских ханств, что объясняется их обосновывающим

значением для российской идентичности бурят. Во-вторых, начиная с XX века на первый план выдвинулся хори-бурятский исторический нарратив, к середине прошлого века утвердившийся в качестве общенациональной традиции. Причиной тому изначально послужило то, что именно писатели – выходцы из хори-бурят обращались к теме присоединения к России и, что вполне естественно, использовали хорошо знакомые им образы и сюжеты. Со временем обращение к хоринской традиции стало уже общей практикой, и сюжеты хоринского фольклора стали частью общенациональной исторической памяти о присоединении к России.

Также примечательно, что разнообразные интерпретации событий эпохи присоединения к России в фольклоре и литературе бурят касаются не только вопроса о характере бурятско-российских отношений, но и об отношениях внутри бурятской элиты. Ярким примером тому служит история восприятия образов участников делегации к Петру I Бадана Туракина и шаманки Эреэхэн, вокруг которых в хоринском обществе когда-то возник конфликт памяти. Позднее антагонистический заряд этих двух образов был использован Б. Барадиным в его пьесе для раскрытия темы поиска истинного национального лидера. Однако в советский и особенно постсоветский периоды наметилась тенденция к «примирению» двух противопоставленных персонажей и признанию их в качестве одинаково значимых положительных героев национальной истории.

На примере фольклорных и литературных текстов можно видеть, как в исторической памяти о присоединении Бурятии к России отразились перипетии этнической и политической истории бурятского народа. Изначальная множественность и противоречивость этой памяти ярко свидетельствует о множественности идентичностей, носителями которых были предки бурят на момент их вхождения в состав России. В дальнейшем, в ходе процессов национальной консолидации, эти множественные традиции стали материалом для конструирования общих нарративов, в которых неизбежно происходило выдвигание на первый план одних субэтнических элементов и вытеснение на периферию других. Современные представления о национальном

прошлом бурят – результат этого длительного процесса, в ходе которого из изначального множества традиций под влиянием политических и культурных контекстов разных эпох сформировалась гораздо более гомогенная конструкция коллективной памяти (что, впрочем, не означает что вытесненные на периферию традиции окончательно забыты – при определённых условиях они могут вернуться в пространство национальной памяти, как это происходит в постсоветский период с традициями нехоринских групп бурят).

Проведённое исследование подтвердило исходную посылку изучения исторической памяти, которая заключается в том, что коллективная память – это не механическое отражение прошлого, а динамический культурный конструкт, зависящий от контекста, политических обстоятельств и потребностей общества. Следовательно, объективное изучение образов прошлого в фольклоре и литературе бурят, как и других народов, невозможно без учёта их множественности, изменчивости и контекстуальной обусловленности.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

1. Исаков, А. В. Чингис-хан в фольклорных преданиях монгольских народов: мифологические рамки памяти / А. В. Исаков // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 2. С. 385–399.
2. Исаков, А. В. Тема присоединения к России в литературе народов Сибири 1950–1980-х гг. / А. В. Исаков, А. П. Модорова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2024. № 2. С. 124–136.
3. Исаков, А. В. Тема присоединения к России в драматургии народов Сибири советского периода / А. В. Исаков // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 5. С. 43–46.
4. Исаков, А. В. Предания о переселении из Монголии в фольклоре и исторических хрониках бурят / З. А. Дебенова, А. В. Исаков // Ориенталистика. 2024. Т. 7. № 2. С. 420–431.

5. Исаков, А. В. Поход хори-бурят к Петру I в фольклорных и литературных интерпретациях: образы Бадана Туракина и шаманки Эрехэн / А. В. Исаков // Modern Humanities Success. 2024. № 12. С. 36–44.

Учебное пособие

6. Исаков, А. В. Бурятский исторический фольклор : учебное пособие / А. В. Исаков. Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2023. 60 с.

Публикации в иных научных изданиях

7. Исаков, А. В. Историческая память в современной бурятской литературе / А. В. Исаков // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2023. № 1 (25). С. 31–39.
8. Исаков, А. В. Образы русских в произведениях Базара Барадина / А. В. Исаков, Л. С. Дампилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 9. С. 2800–2805.
9. Исаков, А. В. Историческая память как инструмент политической мобилизации в деятельности бурятского национального движения начала XX века (на материале литературного творчества Б. Барадина и Э.-Д. Ринчино) / А. В. Исаков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2023. № 3 (51). С. 50–55.
10. Исаков, А. В. Исторический фольклор в исследованиях С. П. Балдаева / А. В. Исаков // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2023. Вып. 16. С. 136–147.
11. Исаков, А. В. Национальная идея в исторической драме Б. Барадина «Великая сестрица-шаманка» / А. В. Исаков // Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. (к 100-летию Республики Бурятия) : сб. науч. ст. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. С. 358–360.
12. Исаков, А. В. Фольклор как основа национальных исторических нарративов в литературах народов России постсоветского периода: случай бурятской и якутской литератур / А. В. Исаков // Национальные картины мира. К 100-летию со дня рождения Р. Г. Гамзатова : тез. докл. междунар. научн. конф. (5–6 октября 2023 г., г. Москва, ИМЛИ РАН). М. : Буки-Веди, 2023. С. 152–157.

13. Исаков, А. В. Цензура летописца: особенности отражения устной традиции в бурятских исторических хрониках / А. В. Исаков // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2024. № 3 (31). С. 11–21.
14. Исаков, А. В. Тексты о Шилдэй-занги в бурятском фольклоре / А. В. Исаков // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2024. Вып. 17. С. 120–131.
15. Исаков, А. В. Предания об установлении отношений с Российским государством в фольклоре бурят-эхиритов / А. В. Исаков // Хангаловские чтения – 2023 : материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 165-летию М. Н. Хангалова, п. Усть-Ордынский, 21 сентября 2023 года. Иркутск : Оттиск, 2024. С. 61–65.
16. Исаков, А. В. Воображаемые контексты: идеология и интерпретация бурятских исторических песен в исследованиях XIX–XX вв. / А. В. Исаков // Реконструкции в фольклористике: допустимость, возможность, необходимость : материалы круглого стола (Москва, РГГУ, 18–19 апреля 2024 г.) / сост.: В.А. Черванёва. М. : РГГУ, 2024. С. 11–12.
17. Исаков, А. В. Чингисхан как предок «Белого царя» в бурятском фольклоре / А. В. Исаков // Культурное пространство России и Монголии: традиционные духовные ценности и смыслы культуры в современных условиях : материалы X международной научно-практической конференции, 27-29 сентября 2023 г., г. Улан-Удэ. Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГИК, 2024. С. 307–311.
18. Исаков, А. В. Бурятская опера и конструирование национальной исторической памяти / А. В. Исаков // Опера в музыкальном театре: история и современность. Тезисы VI Международной научной конференции, 11–15 марта 2024 г. М. : Российская академия музыки имени Гнесиных, 2024. С. 83–84.
19. Исаков, А. В. Память о принятии российского подданства в фольклоре бурят и алтайцев: некоторые параллели / А. В. Исаков // Республика Алтай в этнокультурном пространстве России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (к 70-летию юбилею кандидата исторических

наук, государственного и общественного деятеля Н. М. Екеевой). Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова», 2024. С. 255–260.